

Лесная смена
г. Алма-Ата

10 НОЯ 1987

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— Говорю от чистого сердца, — улыбнулся Александр Константинович, — мне все здесь по душе, а более всего — ваш зритель: умный, доброжелательный, гостеприимный.

— Как раз в ближайшее время ожидается премьера фильма «Осень», если не ошибаюсь, это ваш дебют в кинематографе!

— Не правда ли, странно говорить о нем теперь, когда прошло столько лет. Вам наверняка известна трудная судьба фильма. Да и у его создателя, режиссера Андрея Смирнова она как-то не задалась. Этот талантливый художник (помните «Белорусский вокзал»?) бросил режиссуру, стал писать сценарии и пьесы. Он устал бороться с чиновниками и бюрократами, не выдержал. Его картина «Осень» пролежала на полках Госкино несколько лет.

А рассказываю я об этом фильме не только потому, что дебютировал в нем как киноактер, — на съемках «Осени» довелось работать вместе с Натальей Гундаревой, с которой меня по сей день связывает большая творческая дружба.

— Ну вот, а говорят, будто Наталья Георгиевна...

— ...моя жена, угадал! Многие сбивают с толку, что мы вместе снимаемся в кино, служим в одном театре, играем в одних и тех же пьесах. Да к тому же просто по-человечески дружим. Знаете, Наташа удивительная женщина. Всегда кому-то помогает, то бежит в райисполком, чтобы помочь молодому актеру комнату получить, то еще что-нибудь — в общем, неутомимый она человек.

— Мой следующий вопрос вот о чем: какие роли вам ближе — те, что совпадают с вашими характером и как бы продолжают его, или совершенно противоположного плана?

— Всегда интересно играть человека неординарного, а чем-то непредсказуемого. Мне, к примеру, нравится роль Курносого в спектакле «Энергичные люди». Его вряд ли можно назвать положительным героем, но это человек, который живет рядом с нами, от него не отмахнешься, и, значит, я должен показать его таким, какой он есть. А если я буду все время играть самого себя, собственный характер, зритель очень скоро наскучит моя персона и он перестанет смотреть спектакли с моим участием.

— После сержанта Карпенко из «Весеннего призыва» вы долгое время играли роли военных. Что это, особое пристрастие к людям этой профессии, или, как нередко случается, режиссеры типаж приклеили?

— Скорее последнее. Потому что после Карпенко ни в какой другой роли режиссеры меня

упорно не замечали. Сперва я этому радовался — работы хватало. Но потом стал отказываться от подобных ролей. И дело вовсе не в сценариях было, они-то как раз устраивали. Просто повторяться не хотелось. По этой причине я отказался от съемок в картине «Старшина». И главную роль там сыграл Гостюхин. Фильм от этого только выиграл. Да и я не был в накладе: очень уж старшина схож характером с моим Карпенко.

— В таком случае вам наверняка было интересно сниматься в картине В. Меньшова «Москва слезам не верит»!

— Вообще-то предложение ре-

ли? Я пытаюсь ему объяснить, что роль у меня такая, со мной-то, мол, все в порядке, а он в ответ: «Нормальный человек ни за что б не согласился такого выродка играть. Да и вид у тебя — натуральный алкаш». В общем, кому фильм в радость, а у меня сплошные от него огорчения...

— Интересно, а почему вы именно актерскую профессию выбрали?

— Попробую объяснить. Когда-то очень давно, еще в детстве, посмотрел фильм «Коммунист» с Евгением Урбанским в главной роли. Я тогда заболел этим фильмом. И то свое состояние — потрясение, шок, как хотите назы-

БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ

Беседа с заслуженным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР, актером Московского академического театра имени В. В. Маяковского Александром ФАТЮШИНЫМ началась как-то не «с того», неожиданно. Зная о том, что два года назад он снялся на «Казахфильме» в картине «Потерпевшие претензий не имеют», а нынешним летом вновь побывал в Алма-Ате с гастролями театра, я решил расспросить о его впечатлениях о нашем городе.

Жиссера меня сначала удивило: я никак не мог представить себя в роли спившегося и потерявшего свой облик хоккеиста — подобных героев раньше играть не приходилось. Я согласился. Правда, от моей роли потом остались буквально рожки да ножки — ее всю почти вырезали. Остался лишь небольшой эпизод в первой серии. Зато во второй я предстал перед зрителем в самом мерзостном облике — небритый, жалкий, кланчивший деньги у своей бывшей жены.

Фильм, если вы помните, имел огромный успех. Столько говорили об Ирине Муравьевой, Алексее Баталове, Веронике Алентовой... Кстати, Третьяк тогда на меня крепко обиделся, сказал, что ситуация в нашем спорте негигиенична и что в хоккее такого сроду не бывает. Но с этим я еще как-то мог примириться. А что было делать с моими земляками? Я ведь не коренной москвич, родился и вырос в Рязани. Когда там фильм показали, мне вдруг из дома брат звонит. «Слушай, — говорит, — ты чего это семью нашу позоришь? Мне от людей уже стыдно, прохожу прямо не дают, вышли, смеются: «Дай ему денег на «похмелку», жалко тебе, что

вайте, — до сих пор помню. Этот могучий, по-крестьянски основательный мужик, коммунист, все во мне перевернуло. И актером я стал под влиянием Урбанского.

Годы спустя на экранах появился другой фильм о коммунисте Губанове, логически завершающий первый, — «Твой современник». И там буря страстей, и там столкновение характеров, острейшая борьба за новое, передовое. Немного нынче в нашем кинематографе таких фильмов. Иной раз смотришь, и досада берет. Сражаются герои с ветряными мельницами, по пустякам конфликтуют, куда ни ткни — везде равно, гладко, ни выступа, ни ухабинки, сплошная, как говорится, суэта сует. А где же личность? Где мужик? Тот самый, кто от станка страной пошел управлять, кто в войну под пули лез, не страшась ни Бога, ни черта, — где он, этот герой, куда исчез с экрана?

— Трудный разговор мы с вами затеяли, Александр Константинович. А может быть, время личностей миновало, и мы зря ищем их в толпе одинаково одетых, одинаково мыслящих молодых людей?

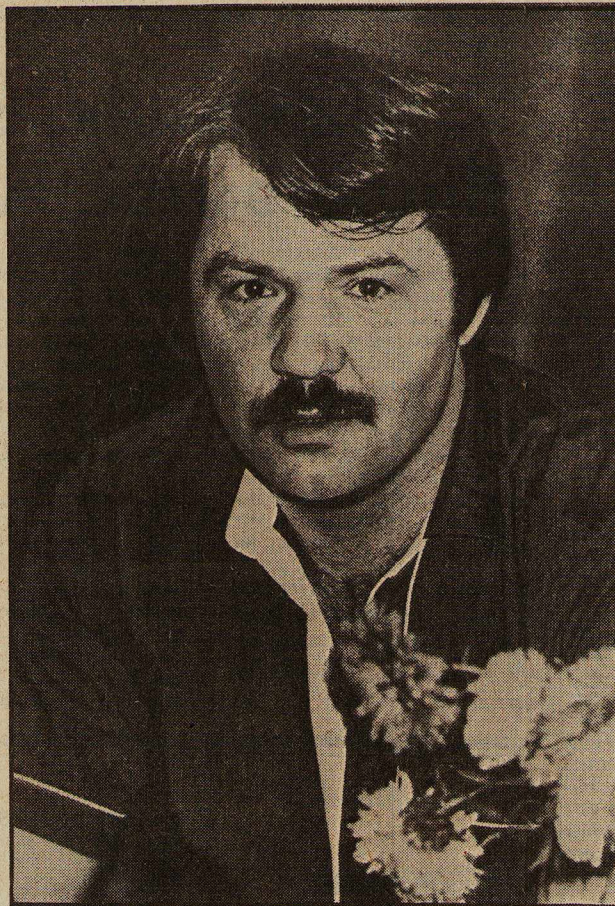
— Нет, не зря. И искать их не надо. Они штурмуют космос, они выполняют интернациональный

долг в Афганистане, в затяжную непогоду от зари до зари убирают целинный хлеб — словом, они были, есть и будут. И искать их, повторяю, не надо — они здесь, рядом с нами.

Другое дело, что мы сейчас слишком много говорим о разном отребье — тунеядцах, наркоманах, проститутках. Причем не как о социально опасных типах, а чуть ли не жертвах. Ну как же — условий им не создали? Одному японский «видик» вынь да положь, другой в баре днюет и ночует.

Слов нет, искоренять весь этот негативизм необходимо, высвечивать его лучом гласности — тоже. И все же почему, несмотря на наши усилия, усилия, прямо скажем, титанические, молодые люди не очень-то прислушиваются к аргументам, которыми мы оперируем? Сколько уж говорим о потребительстве — никакого толку. Значит, мы, взрослые, в чем-то очень неубедительны, неправдивы? Мне кажется, причина в нашей собственной непоследовательности: когда мы имеем в виду каких-то абстрактных юношей и девушек, тут нам красноречия действительно не занимать. А почему же к собственным детям мы с другими мерками подходим? И одеть получше стараемся, и

обеспечить предметами комфорта, и деньгами одарить, когда надо и не надо. Вот так и происходит смещение жизненных оценок: говорим одно, делаем другое. А дети все видят. И запоминают. И потом сами точно так же делают. Престижность, чисто внешняя, разумеется, становится для них главным мерилом в оценке человека, в отношении к нему. Вот и получаем в итоге серых, никчемных людей. А серость в свою очередь тоже плодит серость. И неважно, что облачена она в самый изысканный антураж и эффектно выглядит на фоне люксовой «тачки» и японского «Шарпа». Внутри-то полнейшая пустота, примитивизм на грани убожества. И если уж всерьез об этих проблемах говорить, то не о длине волос и разноцветных штанах надо спорить, не о приверженности к той или иной музыке — это пусть они сами выбирают. Предмет нашей заботы должен быть другим. Чтобы взвалить на плечи юношей и девушек с их ранним развитием и стремлением к самостоятельности всю полноту ответственности за перестройку, за то, чтоб поскорее все мы вышли из прорыва в экономике, медицине, образовании. И не опекать их надо до тридцати лет, а

● ИГРАТЬ — ЗНАЧИТ ИГРАТЬ

смолоду дать дело, настоящее дело, работу. Она их куда быстрее воспитает. Без лишних слов, без нудных нравоучений...

— Александр Константинович, одна из недавних ваших работ в кино — участие в фильме «Одинокое плавание». Не кажется ли вам, что авторы несколько погрешили против истины, расписывая подвиги главных героев?

— Вы имеете в виду сюжетную основу картины, то, что четверка морских пехотинцев разгромила вражескую ракетную базу? А почему бы и нет? Смотрим же мы фантастические подвиги знаменитого Бельмондо и Жана Марс. И то, что они в одиночку целые полки крушат, и ни в каких ситуациях не терпят. Чем же наши ребята хуже! Да если всерьез, там, где морские пехотинцы прошли, даже суперменам делать нечего. Посмотрите на них: рослые, сильные парни, в совершенстве владеющие всеми приемами современного боя: они великолепно стреляют, прыгают с парашютом, плавают, бегают, занимаются борьбой и штангой — отчего же им не справиться с противником, пусть даже численно превосходящим их?

Кстати сказать, многие эпизоды картины снимались в Крыму, в Чарской бухте. Построили там декорации, на горе пальмы посадили. С моря съемочную группу не видно было. И вот однажды вдруг слышим, голос гда с прогулочного катера: «Благода и удивительно природа этого края. Всего две недели назад посадили эти пальмы, а как они принялись...» То-то мы повеселились. Или вот еще эпизод. Идет бесконечная стрельба, я снизу бью, Михаил Ножкин, мой партнер по фильму, — сверху, я бросаю гранату, в ответ гранатомет ухает. Грохот жуткий. Дубль отсняли, другой. «Долго еще?» — кричу я. «Давай еще дубль». «Чего?» — не слышу. «Еще дубль!» «Чего?» И так раз пять. «Тебя оглушило немного, пройдет...». День — не проходит, два — ни черта не слышу. На третий не выдержал, к врачу побежал. «Контузия, — объясняет, — потерпи, на фронте не так бывало». Представляете, никакой войны вокруг, а меня — контузило...

— И последний вопрос: в каком фильме мы встретимся с вами в ближайшее будущее?

— Не так давно на киностудии имени М. Горького завершились съемки картины «Два берега». Сценарий и постановка Воронина. Фильм этот о доброте чувств, об ответственности за судьбы детей, о том, как мы сами порой усложняем себе жизнь. Впрочем, работы впереди еще много, так что подождем до премьеры?

Беседу вел
Б. МУЛЛОКАНДОВ.